

Л. В. ПУМПЯНСКИЙ

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

СОБРАНИЕ ТРУДОВ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

Содержание

Энциклопедия гипотез (<i>вступительная статья</i>)	7	
К истории русского классицизма (1923—1924)	30	651
«Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века (1939)	158	671
Об оде А. Пушкина «Памятник» (1923)	197	679
Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина (1923)	210	689
Поэзия Ф. И. Тютчева (1928)	220	697
Гоголь (1922—1923)	257	706
Стиховая речь Лермонтова (1939)	343	722
Статьи о Тургеневе (1929—1930)	381	729
Романы Тургенева и роман «Накануне» (<i>Историко-литературный очерк</i>)	381	
«Отцы и дети» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	403	
Тургенев-новеллист	427	
Группа «таинственных повестей»	448	
«Дым» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	464	
«Новь» (<i>Историко-литературный очерк</i>).	482	
Тургенев и Флобер	489	
Достоевский и античность (1922)	506	743
Памяти В. Я. Брюсова (1924)	530	765
О поэзии В. Иванова: мотив гарантий (1925).	538	768
Русская история 1905—1917 гг. в поэзии Блока (1925).	541	771
О «Незнакомке» А. А. Блока (1925)	546	774
Основная ошибка романа «Зависть» (1931).	551	776
Приложение.	558	
Достоевский как трагический поэт (1919).	558	781
Краткий доклад на диспуте о Достоевском (1919).	562	789
Смысл поэзии Пушкина (1919)	564	791
Опыт построения релятивистической действительности по «Ревизору» (1919)	576	806

Петербург Пушкина и Достоевского (1922)	590	811
О «Медном всаднике», о Петербурге, о его символе (1925) . . .	595	821
Лермонтов (1922).	<u>599</u>	824
Примечания	649	
Указатель литературы	833	
Указатель имен	849	

О поэзии В. Иванова: мотив гарантий

1. Перед нами не сборник стихов, а «поэтическая система» (одна из 5—6 нашей замечательной эпохи), т. е. мир, который силен призвать жить собою, потому что он организовал в одном направлении громадную семью концептов; повторить отраженно это медленное их движение в одном трудном и важном направлении — вот что привлекает к «поэтической системе» стремящиеся умы. «Поэтическая система» иногда может быть очень невелика по массе (Тютчев, Китс, К. Ф. Мейер) и немногочисленна; иногда громадна по массе; иногда же по разнообразию инородных поэзии элементов: В. Иванов. Я себе представляю будущие работы о В. Иванове начинающимися с подробного изучения этого чужеродного: Religionswissenschaft¹, греческая античность, германская философия, символизм, итало-английская культура сонета и пр. Затем общий вопрос: почему столько знания слилось с поэзией? А уж затем определение главного направления его поэзии. Только тогда стало бы ясно, кто близок В. Иванову: тип соединения научного знания с поэзией всегда точно обусловлен типом поэзии самой, а потому и есть верный путь... Тут сразу: не Брюсов, хотя оба в русском Ренессансе единственные вооруженные громадным точным научным знанием. Брюсову нужен был прежде современный сверхчеловек, нужно выпить все, на что дает право сила; его эрудиция — того же порядка, что физиологический характер его поэтической системы. Но чтобы понять В. Иванова, нужно через облегчающий пример Жуковского взойти к Данту.

«Не узнавай, куда я путь склонила...» * К каждому слову можно — комментирующие стихи из В. Иванова, это та же система жизни, в которой преобладающий факт — смерть возлюбленной. Здесь следующие элементы: 1) любовь как всемирный замысел; 2) разные пути: более достойному — смерть, спутнику — пески («над жаждущим, влачащимся в песках»²); 3) дерево: чтобы соединиться с нею — корни в Ад, листву в небо. Подымается громадное всемирное дерево, цель роста которого — сохранить бывший всемирный замысел. Отсюда ясно, что острая связь научной культуры с поэзией у В. Иванова происходит из принципов романтизма,

* Жуковский В. А. Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. I. С. 467.

от превращения неисполненной любви в Древо³. Очевидно, надо исследовать замысел.

2. Эпиграф к «*Cor ardens*»: огненная смерть у Гёте есть разрешение уз («Бог и баядера»): «*nicht mehr bleibest du umfängen / In der Finsternis Beschattung*»⁴. Гёте уловил мгновение второго рождения. У Гёте же есть и гарантия: «*überfällt dich fremde Fühlung*»⁵ — это уже почти тема Солнца-сердца, Гёте уже прислушивается к стуку освободителя в груди. Я помню давнее: на торжественном, малопонятном языке здесь возвещалась возможность выхода из круга рождений. Оказывалось, что подвиг освобождения творится и солнцем, обнимающим все в распятыи, и темным узником в узкой келье: *nos habitat... illa facit*⁶. Это повесть о подвигах солнца и сердца. Итак, гарантия освобождения есть: солнце названо вожатым, пастырем, оратаем, и эта часть стихов — настоящие в точном смысле слова стоические гимны о распятом страстотерпце — Солнце. Вообще отношение к Солнцу... Три возможных типа:

1) частный символ, в классицизме (...*qui peut-être rougis...*⁷); это свобода и царство;

2) реакция живописности, зрелища: «*Le globe du soleil, prêt à se plonger dans les flots, apparaissoit entre les cordages du navire au milieu des espaces sans bornes. On eût dit, par les balancements de la poupe, que l'astre radieux chargeoit à chaque instant d'horizon*»⁸.

3) Морализация природы, нравственные страдания солнца (Мишле: *rien n'a péri et la nature est entière. Béni sois-tu, Soleil, de nous donner encore un jour*⁹). Это солнце — благо, и основал его поэтику Руссо. В лучшей руссоистской традиции и *Und das selbstständige Gewissen...*¹⁰

На первый взгляд, В. Иванов — к третьему типу, потому что он славит героическую славу солнца. Но смысл этой славы обнаруживается: сердце ближе источнику чудес, соприроднее ему: уже редеют завесы (один из тисков его языка), и скоро незримый освободитель озарит темный лес ожидания. Очевидно, это не есть автономная совесть, а кузнец будущего спасения, знак неложности надежд: мы явно в орфическом кругу и справляем мистерию гарантий. Этим гимнология В. Иванова входит в линию... общее: 1) ожидание реального чуда; 2) ожидание его в конечном, и притом близком, будущем; 3) означение ожидаемого эмблемой, которая связывает его с гарантией. Как росли эмблемы, как XVIII в. стал типичным миром иероглифов свободы, как сложилась царица эмблем: крест, оплетенный розами...

* Chateaubriand F.-R. Génie du christianisme. Partie I. Livre V, Chap. 12.

und leichte Silberhimmelswolken schweben,
mit Kreuz und Rosen sich emporzuschwingen,
und aus der Mitte quillt ein heilig Leben
dreifacher Strahlen, die aus einem Punkte dringen¹¹.

Это крест не Церкви, а розенкрейцерства; это орфическое отношение спасителя к спасаемым. На Западе оно понятно, потому что Запад знал рыцарство, но что означает рыцарский религиозный гений в России? Конечно, это альбигойская ересь, хотя бы было локализовано в поэзии. Круг же услышавших я всегда себе представлял как невидимый союз альбигойского типа.

3. Искажение, превратившее Солнце в вожатого, развернулось в поэтику природы, которая не имеет подобия в истории поэзии: природа стала рядом видений и предвестий (как будто вся эта поэзия вышла из факта биографии В. Соловьева). «Твоя ль голубая завеса...»*

Еще важнее новая поэтика эроса: двое соединяются, чтобы стать семенем вселенского пожара. Здесь учение и о конце мира, и гераклитовские воспоминания, и радость о гибели мира чрез дело Петра Великого, и Петербург как начало пожара. Тайна эта не нежна, они хотят быть костром в сухом лесу, сигналом. Это тип любви, который усилен сознанием, что он в кануне катастрофы; двое знают тайну и хотят своей любовью спалить мир.

После Эроса всё больше орфический Христос заменяется гностической Изидой («братья, недолго...»¹²), а русская земля всё больше становится Изидиным Египтом.

В «Нежной тайне» достигает совершенства и тип превращения феномена природы в симптом, в застывший намек. «Дымятся тучи тускло-голубые...»**

4. А. Белый. С. 230—231¹³.

5. В исторической связи русской поэзии это дает мир без литературного будущего. Религиозное и литературное здесь совершенно непараллельны; и если даже допустить, что в истории русской религиозности В. Иванов займет особое важное место, в истории русской литературы будет иначе. Обвинение А. Белого можно историко-литературно формулировать так: отсутствие вымысла, сюжета. Державин¹⁴.

* Иванов В. *Cor ardens*. М., 1911. Ч. I. С. 77: «Покров».

** Иванов В. *Нежная тайна*. СПб., 1912. С. 16: «Завесы».

О поэзии В. Иванова: мотив гарантий

Публикуется впервые. Написано 3 апреля 1925 г. Статья о поэзии Вяч. Иванова вместе со статьями о Блоке образует цикл работ Л. В. П. о творчестве крупнейших представителей русского символизма, которые были написаны весной 1925 г. и тогда же прочитаны в виде докладов в домашнем кружке у М. В. Юдиной. Во время второго допроса 28 декабря 1928 г. М. М. Б. сообщил, что «на квартире Юдиной (...) был прочитан цикл лекций о современной поэзии (о Блоке, Иванове, Клюеве и других). Докладчиками были Пумпянский, Медведев и я» (Конкин, Конкина 1993: 183). Данный в статье анализ тематических доминант стихотворного сборника В. Иванова «Сог ardens» (Иванов 1911) Л. В. П. продолжил в заметке «К работе о Вяч. Иванове», помещенной декабрем 1925 г.:

1. На сто ладов, сто ладов... Выберем тютчевский. «Сог ardens». Ч. 2. С. 175: «Роза ночей». Сначала усиленное повторение тютчевской темы, усиленное всем, что сто лет научили нас об имени, о своем земном имени. Всеобщая покинутость, мировая ночь. Но вдруг чуть слышный «шепот»: мировая роза. Здесь роза—гарантия того, что есть объемлющие миры.

2. Атлантида в истории—Ч. 2. С. 123: «Атлантида»*.

3. Солнце и восход солнца.

4. Wer hat dem Kreuze Rosen zugesellt? **

5. На небесах Слово уже на престоле. На земле это вечная надежда—Ч. 2. С. 174: «Взыскующие града».

6. Античность—ревность Кифериных роц о розе—Ч. 2. С. 87: «Ad rosam».

7. Роза соединяет живых и мертвых—Ч. 2. С. 153: «Розалии».

8. Роза существенно является после смерти жены. Но уже услада брачной любви понята—Ч. 2. С. 53: «Покорствуя благим определеньям»—как услада роз, а—Ч. 2. С. 57: «И вновь Конь Бледный зрим, и Всадник Бледный...»—грандиозное видение жены, убирающей гриву... розами. Итак, нет сомнения: в личном сознании В. Иванова она на насадила розу мира.

Поэтическое творчество и теоретические построения Вяч. Иванова оказали определяющее влияние почти на всех представителей Невельской школы. В невеликом докладе «Достоевский как трагический поэт» (1919 г.) Л. В. П. восклицал: «И В. Иванов не встающее ли солнце?...» (С. 561). Однако к сер. 1920-х гг. в Невельской школе произошла ревизия прежнего отношения к Вяч. Иванову, выразившаяся в статье Л. В. П. о Вяч. Иванове и в начале его работы «Русская история 1905—1917 гг. в по-

* Angelus 3, 9, 27, 55, 185, 186, 188, 189, 229, 244; 20, 108, 110, 128, 168, 190, 192, 196, 200, 244 (прим. Л. В. П. к пунктам 2—4).

** «Кто к кресту присоединил розы?» (нем.).

эзии Блока» в утверждении о бесперспективности и неисторичности его поэтической и теоретической систем. В кон. 1920-х гг. в ЛСЗА в своих рассуждениях о символизме С. Георге и издаваемых им «Листках для искусства» *Л. В. П.* повторил этот свой вывод с не меньшей очевидностью: «Современная „Листкам для искусства“ попытка Вяч. Иванова создать жреческую культуру (1906—1912) напрашивается на сравнение с деятельностью Георге; но последнему чужд энциклопедический эклектизм В. Иванова (создавшего Пантеон отраженных эпох и воспринятых литературных форм), равно как и типично ивановский пафос воспроизведения уже бывшего (благодаря которому идеал „высокой культуры“ совпал в конце концов с идеалом универсального образования и пассивного всепризнания)». *М. М. Б.* в сер. 1920-х гг. в лекции о Вяч. Иванове в записи Р. М. Миркиной формулирует сходные особенности поэтической системы В. Иванова и при этом, подобно *Л. В. П.*, признает отсутствие у нее литературного будущего: «Творчество Вяч. Иванова не может идти по новым путям. Ни одной новой формы он не создал. Вся его поэзия есть гениальная реставрация всех существовавших до него форм (...) подражать ему нельзя» (Бахтин 1979: 377). Сходным образом *Л. В. П.* и *М. М. Б.* выделяют в поэзии Вяч. Иванова ведущие тематические комплексы: «солнце-сердце», «любовь-смерть», «роза мира» (Там же: 379—380, 382, 383). Отмеченную и *М. М. Б.* связь между любовью и смертью и основными символами культуры (Там же: 382) *Л. В. П.* истолковывает как реализацию романтической мифологемы превращения возлюбленной в Музу после смерти. Строгий и выверенный подбор символических гарантий у Вяч. Иванова обусловил, по определению *Л. В. П.*, замкнутость и обособленность его поэтического мира.

¹ «религиоведение» (нем.).

² Источник цитаты не установлен.

³ В лекциях «Курса» (25 ноября 1921 г.) о творчестве Жуковского *Л. В. П.* показал, что мотив смерти возлюбленной и превращения ее в музу является основной тематической доминантой романтической поэзии (см. прим. 110 к «Гоголь»).

⁴ Из стихотворения Гёте «Блаженное томление», первая строфа которого поставлена эпиграфом к книге стихов Вяч. Иванова «Сог ardens».

Вот уже не полонен ты
Тени вдруг стусившим мраком.

Пер. С. Шервинского

⁵ «чуждым чувством осаждаем» (Там же. Пер. С. Шервинского).

⁶ «в нас пребывает... она совершает» (лат.).

⁷ «которое может быть покрасневшим» (франц.).

⁸ «Шар солнца, готовый погрузиться в волны, возникал среди корабельных снастей в безграничном пространстве. Казалось, что из-за колебания кормы лучистая звезда то и дело уходила за горизонт» (франц.).

⁹ «ничто не погибло, и природа неизменна. Будь благословенно, Солнце, за то, что еще даешь нам свет» (франц.).

¹⁰ «И самостоятельная совесть...» (нем.).

¹¹ «И легкие серебряно-небесные облака парят, чтобы с крестом и розами взмыть вверх, и из середины бьет ключом святая жизнь трех лучей, которые пробиваются из одной точки» (нем.).

¹² Имеется в виду стихотворение Вяч. Иванова «При дверях» («Братья, недолго...») из сб. «Нежная тайна».

¹³ Источник ссылки *Л. В. П.* не установлен.

¹⁴ Вслед за журнальной критикой нач. XX в., называвшей Вяч. Иванова «Тредиаковским наших дней» (Котрелев 1992: 373), и вслед за А. Белым, уподобившим его Державину («Я только знаю, что он не Тредиаковский им созданного русла поэзии; он — Державин этого русла, а где возник Державин, там есть уже и Пушкин — в потенции» — Белый 1911: 472), и *Л. В. П.* также именует Вяч. Иванова «Державиным наших дней». Однако при этом он дает этому сопоставлению конкретное историко-литературное истолкование. В работах «*К истории*» и «Поэзия Ф. И. Тютчева» (С. 85, 87, 242) он отмечает точки сближения Вяч. Иванова с Державиным: колористический стиль, новая русско-греческая мифология и бессюжетность поэтического дара.